

ЯВКА С ПОВИННОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Инспектор уголовного розыска Лев Гуров облокотился на металлический барьерчик и с любопытством разглядывал ипподром.

По кругу в легких игрушечных колясках проезжали наездники, они сидели откинувшись, скорее полулежали, смешно задрывали ноги. Лошади были разномастные и, если можно так выразиться, разнокалиберные. Одни высокие, мощные, с широкой грудью, другие миниатюрные, с тонкими хрупкими ногами. Все без исключения удивительно красивые.

Гуров давно собирался выбраться на ипподром, все откладывал, сегодня был здесь впервые и не ожидал, что лошади могут быть такими красивыми и произвести на него, человека современного и рационального, сильное впечатление.

Льву Ивановичу Гурову было двадцать шесть лет, и поэтому его отчество упоминалось лишь в документах. Он окончил юрфак университета и четвертый год работал в уголовном розыске.

Вчера начальник отдела полковник Константин Константинович Турилин попросил Гурова остаться после оперативки и торжественно вручил ему пустую, пахнущую конторским клеем папку, на которой было написано: «Уголовно-розыскное дело по раскрытию убийства гражданина Логинова Б. А.». Турилин, вручая пустую папку, порекомендовал почаще заглядывать и советоваться, а сейчас немедленно отправляться к следователю прокуратуры, получить от него указания и действовать, чтобы установить «неизвестное лицо, совершившее убийство гр-на Логинова Б. А.».

Борис Алексеевич Логинов более тридцати лет работал наездником на ипподроме; три дня назад он был найден мертвым

в стойле всеобщего любимца рысака Гладжатора. На виске Логинова была запекшаяся рана, на правой задней подковке жеребца обнаружили следы крови. Составили все необходимые документы, мол, произошел несчастный случай. Но на следующий день эксперты научно-технического отдела дали заключение, что Логинов был убит не ударом подковы. Все это Гуров узнал от следователя прокуратуры, который встретил его вежливо, но без особого энтузиазма.

Гуров три раза перечитал протокол осмотра места происшествия и протоколы допросов людей, работавших в конюшне вместе с Логиновым, попытался разобраться в заключениях экспертов, но тут же запутался в терминологии.

Николай Тимофеевич, так звали следователя, довольно бесцеремонно забрал у Гурова папку с уголовным делом, сел рядом.

— Вот что, Лев Иванович, — он вздохнул. — Можно называть вас Левоу? Вот и прекрасно. С врачами и экспертами я беседовал. Логинова убили, знаменитый Гладжатор не имеет к происшедшему никакого отношения. Удар был нанесен острым металлическим предметом сверху вниз. Такого острого края у подковы нет, и на такую глубину в височную кость подкова проникнуть не могла. Так что давайте искать убийцу. Вы знаете ипподром? Нет? Ваш Турилин всегда удивлял меня. Отправляйтесь, Лева, к нему, составляйте ваш план розыска, затем — на ипподром. Звоните, приходите в любое время.

Гуров взглянул на проезжавших мимо лошадей и направился в административный корпус. Он прошелся по тихому прохладному коридору, постоял у доски Почета, вынул из кармана сложенную вчетверо глянцевою бумагу, развернув, в который уже раз перечитал: «Редакция журнала просит оказать содействие литератору Л. И. Шатрову, который работает над повестью, рассказывающей о работе ипподрома». Фамилию Гуров на всякий случай изменил, а имя и отчество оставил.

На двери, рядом с которой он стоял, раздумывая, красовалась табличка: «Главный зоотехник М. Г. Бондарева». Решая, как расшифровываются эти «М. Г.», он постучал и вошел в кабинет, поклонившись сидевшей за столом крупной, уже не молодой женщине, смутился, молча протянул письмо редакции.

— Бондарева. Мария Григорьевна, — прочитав бумагу, сказала она и протянула руку.

Пожимая плотную сильную ладонь, Гуров замешкался и покраснел. Наградили же родители именем. Представляться «Лев» смешно и претенциозно. Яшин — тот действительно Лев. Говорить «Лева», так сразу хочется добавить: «Из Могилева». Так дразнили его ребята в школе. Мамины Левушка и Левчик вообще в счет не шли.

— Лев Иванович. — Он скомкал отчество, почувствовал, что покраснел до неприличия. Тоже милая черта краснеть по каждому поводу и без оно, это удивительно помогает в работе с людьми.

Бондарева жестом предложила ему сесть, вздохнув, отодвинула лежавшие перед ней бумаги, словно расставалась с недоеденными пирожными, ловко, по-мужски закурила «Беломор».

— Ну-с, Лев Иванович? — Она внимательно оглядела Гурова, но он уже оправился и ответил обезоруживающей улыбкой. Лева знал, что улыбка у него отменная. — Что же вас интересует?

«Кто убил наездника Логинова», — мог бы ответить Гуров, но сдержал столь естественный и правдивый ответ, задумался, рассудил, что ему только двадцать шесть, литератор он начинающий, и искренне сказал, что пока точно не знает, в основном, конечно, люди.

Бондарева откинулась в массивном кресле, одобрительно улыбнулась, глядя поверх Гурова, тут же нахмурилась неизвестным ему мыслям и неторопливо заговорила:

— Что же, мы, конечно, заинтересованы в прессе... — Она опустила взгляд на Гурова. — У нас бывают художники, фотографы, журналисты. — Бондарева замолчала, провела сильной ладонью по столу, в ее глазах появились вопрос, сомнение, даже просьба. — Некоторым выдашь пропуск, а он на конюшню не зайдет даже, толкается в призовые дни на трибунах, играет.

Упоминание о тотализаторе вернуло мысли Гурова к убитому наезднику. Тотализатор. О нем говорили Турилин и следователь прокуратуры, а он, Гуров, и не видел никогда этот тотализатор. Бондарева расценила молчание посетителя как растерянность и продолжала увереннее:

— Люди вас интересуют. У нас, как и везде, люди разные. Иной оформится, думает, здесь золотое дно, проработает месяц и уволится. Есть такие, которые через конюшню хотят попасть сюда, поближе к кассе.

Гуров украдкой оглянулся, кассового окошечка видно не было. Обычный служебный кабинет, скромненькая мебель, никакого тебе тотализатора, даже лошадыми не пахнет. А вот от слов Бондаревой деньгами запахло. Видно было, что эти деньги раздражают главного зоотехника.

— Замечательные у нас люди. Замечательные! Фанатики конного спорта! Лошади, лошади какие у нас! Поэма! Сказка! — Бондарева замолчала неожиданно, как бы смутившись своего порыва. — Есть и людишки. Есть, к сожалению.

— Я найду на трибуны, — сказал Гуров. — Меня интересует ипподром в целом.

— Конечно, конечно, — согласилась Бондарева и взглянула вновь подозрительно. — Можно дать вам пропуск дня на три-четыре.

— Нет уж, спасибо, — Гурова совершенно не прельщала перспектива каждый раз брать билет и платить восемьдесят копеек, однако не отказаться он уже не мог.

— Почему же, дадим, — виновато сказала Бондарева.

— Спасибо, — Гуров отрицательно покачал головой. — Я хотел бы познакомиться с тренотделением Григорьевой, — излишне резко сказал он, давая понять, что разговор о пропуске закончен, пришел он сюда работать и пора начинать.

— Нина Петровна человек очень интересный, талантливый, но...

— Извините, — Гуров встал, — я хотел бы пойти именно к Григорьевой.

Бондарева хотела сказать, что здесь хозяйка она, но сдержалась и промолчала. Гуров ждал. Высокий, худой и очень стройный, в изящном дорогом костюме, глаза голубые, наивные, краснеет, как девица. Он, видимо, пришел сюда по делу. Не игрок, конечно, не игрок, думала Бондарева, разглядывая Гурова снизу вверх. Однако Нине сейчас не до писателей.

Бондарева с Гуровым вышли из административного корпуса, Мария Григорьевна указала на противоположную сторону ипподрома.

— Шестое тренотделение. Я позвоню.

— Благодарю, Мария Григорьевна. Извините за беспокойство. — Гуров раскланялся, легко перепрыгнул через барьерчик и пошел полем.

«Ничего, сейчас Нина тебе работенку определит, хорош ты будешь в отутюженном костюмчике да с манжетами», — не без злорадства подумала Бондарева, глядя ему вслед. Она еще постояла немного, полюбовалась лошадьми и вернулась в кабинет, чтобы позвонить Нине.

Гуров пересек поле. Длинные белого камня конюшни, у которых бежали неизвестной породы собаки. Жарко, малоллюдно и тихо, процокают подковы по асфальту, выедет наездник на круг ипподрома — и не слышно его, лошадь где-то фыркнет, звякнет ведро, и вновь тишина, даже не верится, что находишься в центре огромного города.

После яркого солнца в конюшне темно, Гуров задержался у входа, ждал, пока глаза привыкнут. Пахло лошадьми, но совсем не так резко, как он ожидал. Гуров пошел по коридору, читая таблички: «Гиацинт», «Виринея», «Кустанай». Красивые, немного загадочные имена. Гуров знал, что в пятом стойле находится знаменитый дербист Гладиатор, у ног которого три дня назад нашли тело Логинова. Лева не хотел подходить к этому стойлу, успеется, да и на фотографии он все хорошо видел, сейчас там стоит знаменитый жеребец, и все, труп нет.

Гуров повел плечами, оглянулся. Никого. Виринея, тихо всхрапнув, ткнулась лбом в прутья денника, потянулась к нему. Гуров погладил мягкую теплую кожу.

— Известная попрошайка, — из соседнего денника вышел молодой парень, хлопнул Виринею по морде. — Иди, иди, бегать научись сначала. Сахар потом.

Конюху было лет двадцать с небольшим, звали его Колей.

— Мария Григорьевна уже звонила, Нина Петровна сейчас на кругу, тренирует Лотоса. — Все это он сообщил Гурову, вытирая белые веснушчатые руки ветошью и глядя равнодушно в сторону, затем вернулся в стойло и, опустившись на колени, начал бинтовать ноги вороной лошади по кличке Роковая.

— Не брыкается? — после долгой паузы спросил Гуров и чуть было не откусил себе язык. Ведь надо такой вопросик придумать. Парень-то считает, что Логинов погиб от удара своей лошади.

— Привыкла, — односложно ответил Коля.

Гуров разозлился.

Тишина и уют, прохлада и приятные запахи, конюх Коля с веснушчатыми полными руками. Кобыла с издевательской кличкой

Роковая, а Логинова убил якобы Гладиатор, на самом же деле убийцей может быть конюх Коля, такой спокойный и флегматичный с виду.

Почему он так спокойно и беспечно сидит у самых копыт, если считает, что Логинова пристукнули точно в такой ситуации?

Гуров изучил все анкетные данные как этого Коли, так и остальных работников конюшни. Штат малюсенький, выбор невелик: мастер-наездник, она же руководитель отделения, Григорьева, практически отпадает. И биография ее безупречная, и не женское дело проламывать головы. Коля, как известно Гурову, прошлой осенью демобилизовался, хочет стать наездником, второй конюх — Рогозин Михаил Яковлевич, шестидесяти двух лет, работает здесь с сорок шестого. Два молодых наездника, оба недавно из армии. Известно о них крайне мало. Еще здесь бывает прикрепленный к отделению кузнец Петрушин.

Из этих и выбирай, Гуров. Если даже никто из них не убивал, все равно хотя бы косвенное отношение к убийству иметь должен. Так ему вчера говорил Константин Константинович. Анкетные данные всех работников тренотделения Гуров выписал из протоколов допросов, подшитых в уголовном деле. Результаты экспертизы им неизвестны, все, кроме убийцы, естественно, считают, что произошел несчастный случай.

Тихо в конюшне, уютно, лошади шуршат в денниках, изредка всхрапывают или трутся боком о перегородку. Идиллия. Человека убили, и все тихо, спокойно. Мастер занят своим делом, конюх — своим, остальных вообще не видно. Гуров прошел до конца конюшни, насчитал шестнадцать денников с одной стороны, соответственно столько же — с другой.

Знаменитый рекордист и дербист Гладиатор от своих соседей внешне не отличался — темно-гнедой, статный и выхолонный. Гуров взглянул на него мельком, не стоило останавливаться рядом с местом убийства, ведь кто-то может наблюдать за ним, «писателем», со стороны. Кто-то, имеющий отношение к убийству, напряжен и нервен, он подозрителен, может элементарное любопытство истолковать по-своему. Тогда легенда Гурова, конспирация и весь план розыска полетят к черту. План? А в чем он, собственно, состоит? Познакомиться с людьми, постараться понять их. Все было ясно и понятно в кабинете Константина Констан-

тиновича. Здесь же с тобой и разговаривать-то никто не хочет. Попробуй разберись.

В конце конюшни две расположенные друг против друга комнаты. В правой отдыхают наездники. Гуров заглянул. Наездники отдыхали в полном смысле слова, сладко спали, один даже храпел. На столе пакеты с молоком, мягая газета, хлеб, колбаса. В комнате напротив пусто, резиденция начальства. Григорьева Нина Петровна, двадцать восемь лет, незамужняя... Гуров вошел, сел около круглого стола, покрытого красной плюшевой, кажется, пыльной, скатертью, огляделся. Говорят, вещи рассказывают о человеке правдивее, чем он сам. Что же, начнем, слева направо, по часовой стрелке, как при обыске.

У стены, рядом с дверью, огромный деревянный сундук. Лет сундуку столько, что его вполне можно назвать историческим. На сундуке стояли вполне современные весы. В углу, по другой стене — комод. Не шкаф, не сервант, а комод — дубовый, резной. Он брат, племянник, возможно, отец сундука. Ну, еще вот стол, на который он, Гуров, облокотился. На нем приемник, молодой сравнительно, сорока лет не будет. Вазочка с очаровательной восковой розочкой, на лепестках пыль. Дорожка-половичок, между комодом и шкафом половичок хорошо смотрится. Напротив двери окно, при поверхностном осмотре — его не открывали и не мыли... в этом-то году уж точно. Главное украшение комнаты — картина. Она висит на стене. На ней изображен конь. Плоский, мертвый конь сундучно-комодного цвета.

Что же можно сказать о хозяйке такой комнаты? Конечно, Григорьева здесь не живет, но ведь какое-то время проводит? Гуров сделал в блокноте несколько пометок, услышал у входа в конюшню цокот подков, голоса, вышел из комнаты. На фоне яркого проема распахнутых ворот были четко видны лошадь, коляска и человеческие фигуры.

Лошадь, на которой приехала Григорьева, была вся в мыле. Наездница и конюх быстро распрягли. Коля повел лошадь прогуливать, а Григорьева, даже не взглянув на Гурова, сказала:

— Помогите мне.

Он понял, что надо откатить коляску, и тут же убедился, что она совсем не такая изящная и легкая, какой выглядит со стороны. Григорьева была невысокого роста, с чуть косолапой поход-

кой, шлем закрывал волосы, поднятые очки — лоб, лицо было грязное и злое. Гуров смущенно отвел глаза и стал наблюдать, как конюх Коля подвел лошадь к расположенной неподалеку площадке, в центре которой торчал столб с приделанными к нему параллельно земле шестами. Сооружение напоминало детские карусели. Конюх пристегнул лошадь к концу шеста, и она пошла по кругу, тряся головой, роняя хлопья пены.

Наездница возилась со снаряжением и украдкой разглядывала гостя. Чистенький, вылощенный, похож на эстрадного артиста. Лицо растерянное, удивленное, а уж молод-то, двадцать два, двадцать три, не больше. Лева действительно выглядел моложе своих лет и от этого еще больше стеснялся. Нина оглядела свой покрытый пылью мужской костюм, который делал ее похожей на водолаза.

— Эй! — умышленно грубо окликнула она Гурова. — Писать сюда пришли?

— Простите? — Гуров залюбовался лошастью, которую мыл конюх. Он вылил на нее несколько ведер воды, теперь чистил, а она фыркала, раздувала ноздри, блестела шелковыми боками, была нереально красива, будто пожаловала сюда прямо из сказки.

— Неужели ее может кто-то обогнать? — забыв, что к нему обратились с вопросом, пробормотал Гуров.

— Это Лотос. Ленька, — подчеркивая мужской пол, насмешливо сказала Григорьева. — Ленька лодырь, еще не жеребец, а так себе. Кроме королевских кровей и таланта, ничего нет.

— Чего ничего? Раз талант...

— На одном таланте далеко не уедешь, — Нина ударила хлыстом по сапогу и рассмеялась. — Запомните и деньги на этого бездельника не ставьте.

Гуров задрал подбородок и высокомерно оглядел наездницу. Он мгновенно забыл, что он инспектор уголовного розыска, «писатель», расследует убийство, что ему нужны хорошие, доверительные отношения, что он разговаривает с мастером-наездником, хозяйкой тренотделения, в котором ему необходимо провести не один день. Он был уязвлен и ответил заносчиво и глупо:

— Послушайте, как вас там, Нина Петровна, кажется?

Глядя на пылающие щеки юноши, Нина расхохоталась еще громче.

— Писатель! Знаю, знаю. У меня тут скульптор был, — давясь от смеха, говорила она. — Эдакий мэтр, с трубкой. Не только лошадей, меня ваять собирался. В соседней конюшне художник, к Василию фотокорреспондент похаживал...

— У Прохорыча один журналист ден пять навоз убирал, — вставил вышедший из конюшни молодой наездник.

В пылу гнева Гуров не заметил, что его окружили работники конюшни. Проснулись и вышли на него посмотреть два молодых наездника, неизвестно откуда появился старый конюх Рогозин. Все улыбались, смотрели на пришельца с любопытством и насмешкой. Гуров пересилил себя, хотел тоже улыбнуться и пошутить.

— Хватит! — Нина вновь ударила хлыстом по сапогу. — Михалыч, выводи Риту.

Все занялись своим делом. Рогозин (видимо, его здесь звали Михалычем) побежал выводить Роковую, вот почему Коля бинтовал ей ноги. Коля завел в стойло Лотоса-Леньку. А он, вымытый и вычищенный, тут же упал на солому и стал кататься, поджимая ноги, словно собака.

— Дурак он и есть дурак, — ласково сказала Григорьева шедшему за ней Гурову. — А вам работать надо, иначе ничего не узнаете.

— Не помешаю?

— Нам нужен любой человек, — сделав ударение на предпоследнем слове, ответила Григорьева. Она остановилась, протянула руку: — Нина.

— Лева, — Гуров впервые назвал свое имя без запинки.

— Работайте, Лева, — она оглядела его костюм. — Мы начинаем в семь утра.

— Буду стараться бывать почаще, — ответил Гуров и прижался к стойлу, так как конюх выводил Роковую.

— Блокнотик положите, подержите лошадь, — сказала Нина, и он только сейчас заметил, что все время держал в руке блокнот.

Гуров встал против морды лошади, принял от Нины узду. Рита смотрела удивленно, мотнула головой.

— Осторожнее, кусается!

Гуров напрягся. Шутит или серьезно? Рита неторопливо тянулась мягкими губами к правой руке, когда он потянул налево, она ткнулась мордой в левую руку. Григорьева рассмеялась.

— Не дергайте, иначе Рита подаст назад. — И через несколько секунд добавила: — Отпускайте.

Гуров опустил затекшие от напряжения руки, отскочил в сторону. Нина выехала из конюшни и скрылась за поворотом.

Какими-то делами занимались наездники. Михалыч развешивал на крючках, привинченных к наружной стороне стойл, мешочки с овсом, конюх Коля сидел уже под другой лошастью и бинтовал ей ногу, значит готовил к тренировке. Григорьева уехала, и стало вновь тихо.

Однако именно здесь убили человека. С семнадцати до девятнадцати, как утверждает эксперт. Убили и бросили под копыта жеребца, на котором мастер-наездник Логинов за час до этого выиграл очередной заезд.

Гуров вздохнул и поплелся в комнату Нины Григорьевой. Что делать-то, как убийцу искать? Как бы с людьми подружиться для начала?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Борис Алексеевич Логинов был убит в июньский воскресный день. В шестнадцать часов он участвовал в заезде, выиграл его, вернулся на конюшню. Гладиатора распрягли, выгуляли, вымыли и вычистили. Логинов в это время находился в комнате начальника отделения. Комната была формально за Ниной Григорьевой, фактически ее занимал Логинов. Став мастером-наездником в конце сороковых годов, он получил конюшню и занял эту комнату. Как и многие сегодняшние мастера, Нина была его ученицей. Когда после смерти жены Логинов начал выпивать и, по выражению наездников, засбоил и стал сходить с круга, начальство отстранило его от руководства тренотделением. Должность предложили Григорьевой. Она отказывалась, но Логинов ее уговорил. «Ты умница и человек ученый, — объяснял он, — однако все равно поначалу тяжело будет. Тут я рядом, подскажу чего, подмогу. Меня же, старого, все одно снимут, так уж лучше я на привычном месте, рядом с тобой буду». Нина согласилась, и они сначала формально, а затем и фактически поменялись местами. Но комнату Нина ему оставила, заходила туда редко.

Итак, в то воскресенье конюхи, приняв от Логинова Гладиатора, приводили его в норму, а старый наездник направился в свои апартаменты, где, как всем было известно, у него имелась четвертинка и бутылка пива. Через полчаса, когда Гришу, так звали на конюшне Гладиатора, заводили уже в стойло, Логинов, улыбочивый, с блестящими глазами и подозрительно оттопыривающимся карманом, появился в коридоре. Через десять минут, то есть в семнадцать часов, начинался очень интересный заезд, конюхи хотели его посмотреть и торопились, а надо было еще

снять с жеребца бинты. Логинов покровительственно усмехнулся, сказал, чтобы ребята топали на круг, он, старый, сам посидит с Гришей и сам разбинтует ему ноги. Конюхи отлично знали, что Гладиятор любимец Логинова. Наездник вместе с Ниной вытренировал жеребца и поднял его на высшую ступень лошадиной славы. В руках Логинова жеребец выиграл в прошлом году дерби, а Нина привела его первым на больших международных соревнованиях с новым всесоюзным рекордом. В общем, конюхи знали, что наезднику побыть с Гришей одно удовольствие, и заторопились на круг.

Заезды шли на редкость интересные, от конюшни Григорьевой больше никто не участвовал, все чувствовали себя вольготно, смотрели соревнования до конца. Григорьева тоже следила за состязаниями до последнего заезда, а затем, то есть в девятнадцать часов, вернулись все на конюшню.

Логинов лежал в стойле Гладиятора, на виске старого мастера уже запеклась кровь.

Начальник отдела уголовного розыска полковник Константин Константинович Турилин встретился со следователем прокуратуры лишь через двое суток после убийства — происшествие было зарегистрировано как несчастный случай. Он ознакомился с протоколом осмотра, фотографиями, заключением врача и эксперта научно-технического отдела; следов волочения на обуви, одежде, теле и на полу конюшни обнаружено не было. Турилин сделал естественный вывод, что Логинов либо был убит прямо в стойле, либо принесен туда после убийства. Посоветовавшись со следователем, Турилин решил факт убийства гласности не предавать, пусть преступник считает, что инсценировка несчастного случая обманула следствие. Сотрудников тренотделения допросили, выяснили, что в период с семнадцати до девятнадцати часов все они следили за соревнованиями и находились в поле зрения друг друга. Следователь вел допросы таким образом, словно он пытался установить, не виновен ли кто в пьянстве Логинова, не было ли у него собутыльника, напоминал о постановлении по усилению борьбы против пьянства. Нет, никто не уходил, все стояли недалеко друг от друга. Сначала возникла версия, что Григорьева ушла с круга на несколько минут раньше всех. Так заявил конюх Рогозин, которого допрашивали первым, но затем

все остальные и сама Григорьева это категорически отрицали. Рогозин же при повторной беседе, сославшись на память, признал ошибку и взял свои показания назад. Ни следователь, ни Турилин не верили, что подобное убийство могла совершить женщина, да и врач категорически утверждал, что удар был нанесен очень сильной рукой.

Итак, предстоял розыск убийцы. Турилин долго думал, кому из сотрудников его поручить, и остановился в конце концов на кандидатуре Гурова.

Когда три с лишним года назад Лев Иванович Гуров пришел в отдел, Турилин встретил его крайне сдержанно. Папа — генерал, мама — врач, сам мальчик, а иначе Леву тогда и назвать было нельзя, производил впечатление существа инфантильного и избалованного. Во время получасовой беседы с Турилиным он несколько раз краснел. Константин Константинович не считал, что работа в розыске требует недюжинной физической силы и отчаянного мужества, однако определенная специфика имеется. Льву Ивановичу Гурову, по мнению полковника Турилина, работавшего в розыске с сорок седьмого, профессия сыщика была противопоказана.

«Дурью мучается. На романтику потянуло, — сказал тогда Турилин начальнику управления кадров. — Не возьму, простите, товарищ генерал, у меня и без вашего Левы забот хватает». Генерал посмеялся вместе с полковником, однако не согласился, объяснил, что парнишка окончил университет с отличием, серьезно увлекается психологией, мама у него в данной области классный специалист, в общем, Гурова настоятельно рекомендуют, согласие начальника городского управления получено.

Льва Ивановича Гурова зачислили приказом, лейтенант, инспектор Управления уголовного розыска начал свою деятельность в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями. Турилин отнесся к новому подчиненному подчеркнуто беспристрастно, направил его в самую сильную группу, где было у кого поучиться, мол, послужи, голубчик. Быстренько тебе надоест, уволишься, устроит тебя папа портфельчик по ковровым коридорам таскать, не волнуйся, все будет ладушки.

Группа, в которую пришел Лева Гуров, считалась в отделе лучшей. Руководитель — пятидесятилетний подполковник Тро-

фим Васильевич Ломакин — единственный человек в группе, не имевший высшего образования. Семь лет он заочно учился в высшей школе, закончил лишь три курса, однако специалистом был классным, асом розыскного дела. Были в группе два брата-близнеца Коля и Толя Птицыны. Майоры тридцати четырех лет, в розыске двенадцать, оба закончили университет, и фамилия им скорее подошла бы Орловы, Соколовы, а злые языки утверждали, что и Стервятниковы тоже. Когда в группе появился Лева, братья, глазом не моргнув, свалили на новичка всю грязную работу. Лева не плакал, пахал, молчал и в группе прижился. Турилин давно собирался поручить Гурову самостоятельное дело. Сответствовал Гуров и еще одному требованию — был абсолютно не похож на сотрудника милиции. Жена Турилина как-то на торжественном вечере сказала: «Только не уверяй меня, Костя, что тот вон голубоглазый высокий юноша с руками Клиберна тоже у тебя работает». Турилин отшутился, что этот артист, конечно, не работает, но высказывание жены запомнил.

Дело по убийству на ипподроме Турилин взял под личный контроль, определив группе Ломакина три основные линии работы.

Первая. Месть из-за женщины, какая-либо ссора в личной жизни.

Вторая. Преступник воевал вместе с Логиновым. Что-то компрометирующее о преступнике Логинов знал.

Третья. Преступление связано с деньгами, которые преступник получил либо собирался получить на ипподроме.

Так Турилин с Гуровым и назвали версии: личная, военная и ипподром. Опыт розыскной работы подсказывал, что реальнее всего третья версия, но работа в розыске почти всегда основана на принципе: обнаружить искомое можно, лишь отбросив все ненужное. Ведь сказал кто-то: статую создать крайне просто, надо взять глыбу мрамора и отколоть все лишнее.

Версии личную и военную Турилин поручил отработать братьям Птицыным. Они выслушали полковника с улыбкой, братья были сыщики из настоящих, поэтому прекрасно понимали, что они убирают шлак, очищают подход Гурову, так как вгрызаться в настоящую породу досталось именно ему. Братья работали серьезно. Они на своем опыте прекрасно знали, сколько раз

Леве станет казаться, что он идет по ложному следу. Если все боковые версии будут вымощены безукоризненно, он станет упорнее, увереннее, от его уверенности зависит успех.

Турилин выслушал Левин отчет о первом дне, передал ему рапорты Птицыных и спросил:

— Кто он такой, этот убийца? Расскажите мне о нем, Лева.

Гуров облокотился на стол, очень по-детски подпер ладонью щеку, так малыши готовятся слушать вечернюю сказку, долго молчал, наконец, задумчиво глядя куда-то вверх, проговорил:

— Зависит от мотивов, Константин Константинович. Грубо рассуждая, последних может быть два. Месть, расплата за неудачу. Второе — захват добычи. В первом случае убийство совершенно с заранее обдуманном намерением, заранее обдумана инсценировка несчастного случая. При втором варианте убийство могло быть совершено спонтанно. Неудача. Вспышка. Состояние аффекта. Удар. Осознание, испуг, инсценировка. Отсюда — две разные модели человеческой психики.

— Я запрошу справку о результатах всех заездов за последний месяц и о денежных выплатах. Вам же следует в кратчайший срок установить круг лиц на соседних конюшнях, которые могли находиться на улице с пяти до семи вечера и могли видеть проходившего человека. Следователь их допросит. Главное же, Лева, вот в чем: нам с вами не разобраться в тонкостях бегов, тотализаторных делах и за год. Вы должны найти на конюшне человека, которому можно довериться. Вам нужна помощь профессионала. Он объяснит вам психологию заездов того дня, вы сделаете соответствующий вывод и доложите о нем мне. Что-то произошло, чего нам с вами не дано понять. Что? Найдите человека, который вам ответит на этот вопрос, и вы очень продвинетесь.